
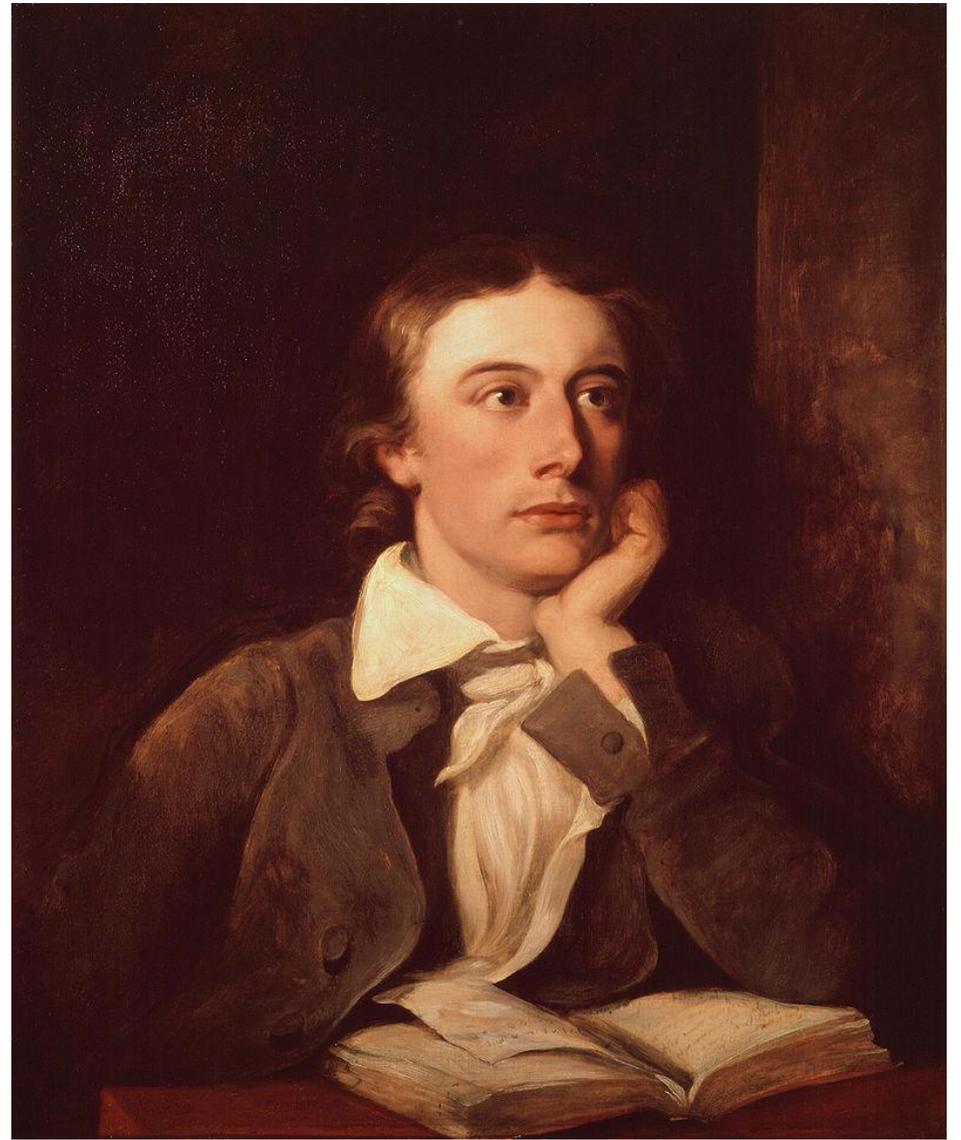
Джон Китс. Творчество поэта.

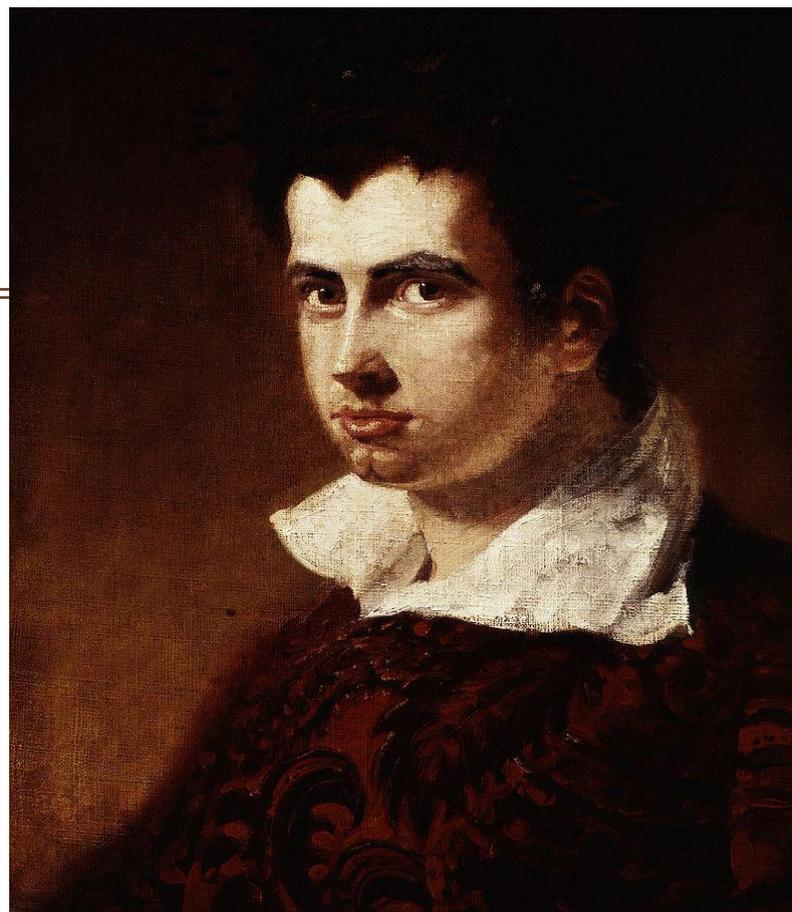
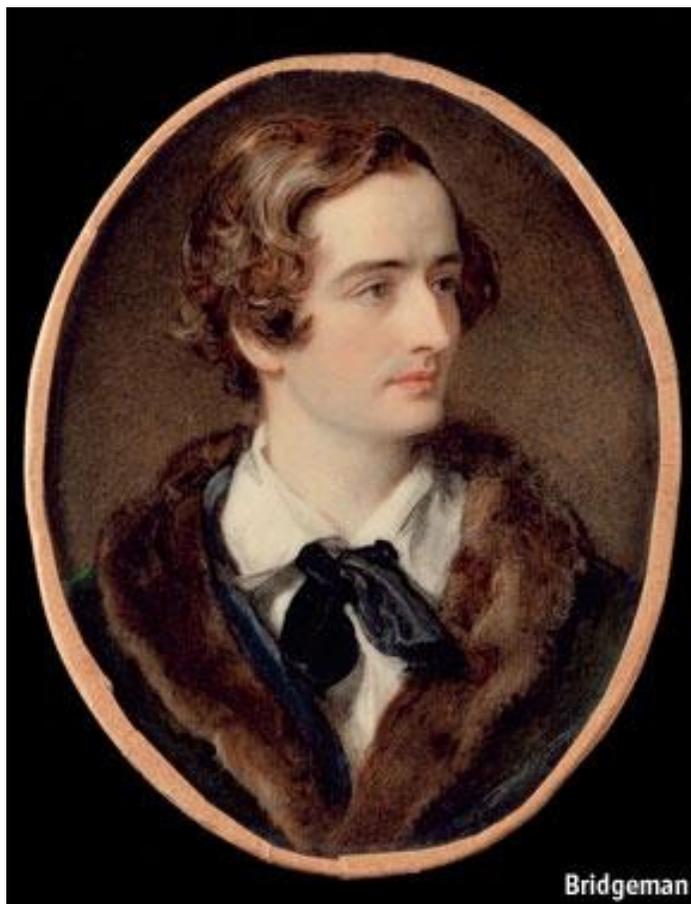

ПРЕЗЕНТАЦИЮ ВЫПОЛНИЛИ :
СТУДЕНТКИ 27 ГРУППЫ
ЛЕСКОВЕЦ АНАСТАСИЯ
ЭМИРОВА СУСАННА

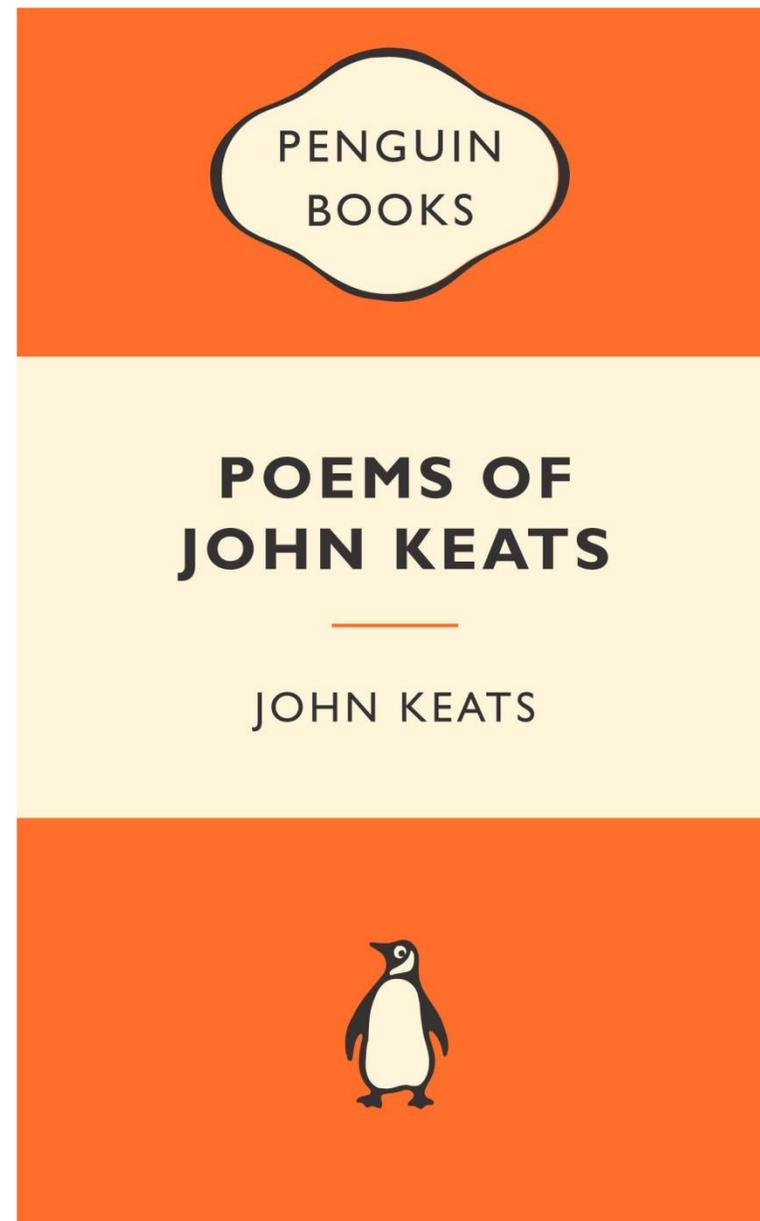
Джон Китс (англ. *John Keats*; 31 октября 1795, Лондон — 23 февраля 1821, Рим) — поэт младшего поколения английских романтиков.

НАЧАЛО ПОЭТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КИТСА ДАТИРУЕТСЯ 1814 Г., А СОСТОЯВШЕЕСЯ БЛАГОДАРЯ КЛАРКУ ЗНАКОМСТВО С ЛИ ХАНТОМ, РЕДАКТОРОМ ЖУРНАЛА «ЭКЗЕМИНЕР», ВВЕЛО КИТСА В МИР ЛОНДОНСКИХ ЛИТЕРАТОРОВ.

Хант, Хэзлитт и их окружение оказали сильное влияние на раннего Китса. Ему передалось стремление достигнуть в поэтическом произведении богатства образов и стилистических средств их выражения. Стремясь оживить старинные поэтические традиции, Хант и его единомышленники пытались воскресить поэтические турниры. В частности, в ходе таких дружеских состязаний были написаны несколько сонетов Китса, в том числе «Кузнечик и сверчок» (1816), «На получение лаврового венка от Ли Ханта» (1817) и «К Нилу» (1818), а также стихотворение «При виде локона волос Мильтона» (1818).

Также существует значительное количество стихотворений 1814-1817 гг., свидетельствовавших о равнодушии Китса к бурным политическим событиям, выпавшим на дни его юности. Таковы сонет «К миру» (1814), посвященный победе над Наполеоном и предчувствию свободы, которая после падения тирана должна стать благословением народов Европы.

Мир! Отгони раздор от наших нив,
Не дай войне опять в наш дом вселиться!
Тройное королевство осенив,
Верни улыбку на живые лица.

Я рад тебе! Я рад соединиться
С товарищами - с теми, кто вдали.
Не порть нам радость! Дай надежде
сбыться
И нимфе гор сочувственно внемли.

Как нам - покой, Европе ниспошли
Свободу! Пусть увидят короли,
Что стали прошлым цепи тирании,

Что Вольностью ты стал для всей земли,
И есть Закон - и он согнет их выи.
Так, ужас прекратив, ты счастье дашь
впервые.

O PEACE! and dost thou with thy presence bless
The dwellings of this war-surrounded Isle;
Soothing with placid brow our late distress,
Making the triple kingdom brightly smile?
Joyful I hail thy presence; and I hail
The sweet companions that await on thee;
Complete my joy let not my first wish fail,
Let the sweet mountain nymph thy favourite be,
With England's happiness proclaim Europa's
Liberty.

O Europe! let not sceptred tyrants see
That thou must shelter in thy former state;
Keep thy chains burst, and boldly say thou art
free;
Give thy kings law leave not uncurbed the great ;
So with the horrors past thou'lt win thy happier
fate!

Среди ранних стихов Китса выделяется группа произведений с мрачными, меланхолическими названиями — сонет «К одиночеству» (1815), «Смерть» (1816). В последнем из них Китс восстает против ставшего традиционным штампом представления о смерти как о сне, одновременно оценивая ее как избавление от страданий, неизбежно подстерегающих живущих на земле:

Не может смерть быть сном, сон — жизнь сама,

Ее блаженство — призрачнее грез,

Скользнет лучом — и вновь сгустится тьма,

Но смерти все боимся мы до слез.

Как странно, что живущий в мире злом

Так ценит жизнь и смерть его страшит;

Он никогда не думает о том,

Что, умирая, горя избежит.

(Пер. И. Буровой.)

Эстетическая функция поэзии является главной для Китса. Поэзия должна прославлять красоту, оставаясь при этом свободной от философии, политики, морали и других общественных установлений. Ее задача — дарить наслаждение красотой. Соответственно и поэт, по Китсу, превращается в служителя культа красоты.

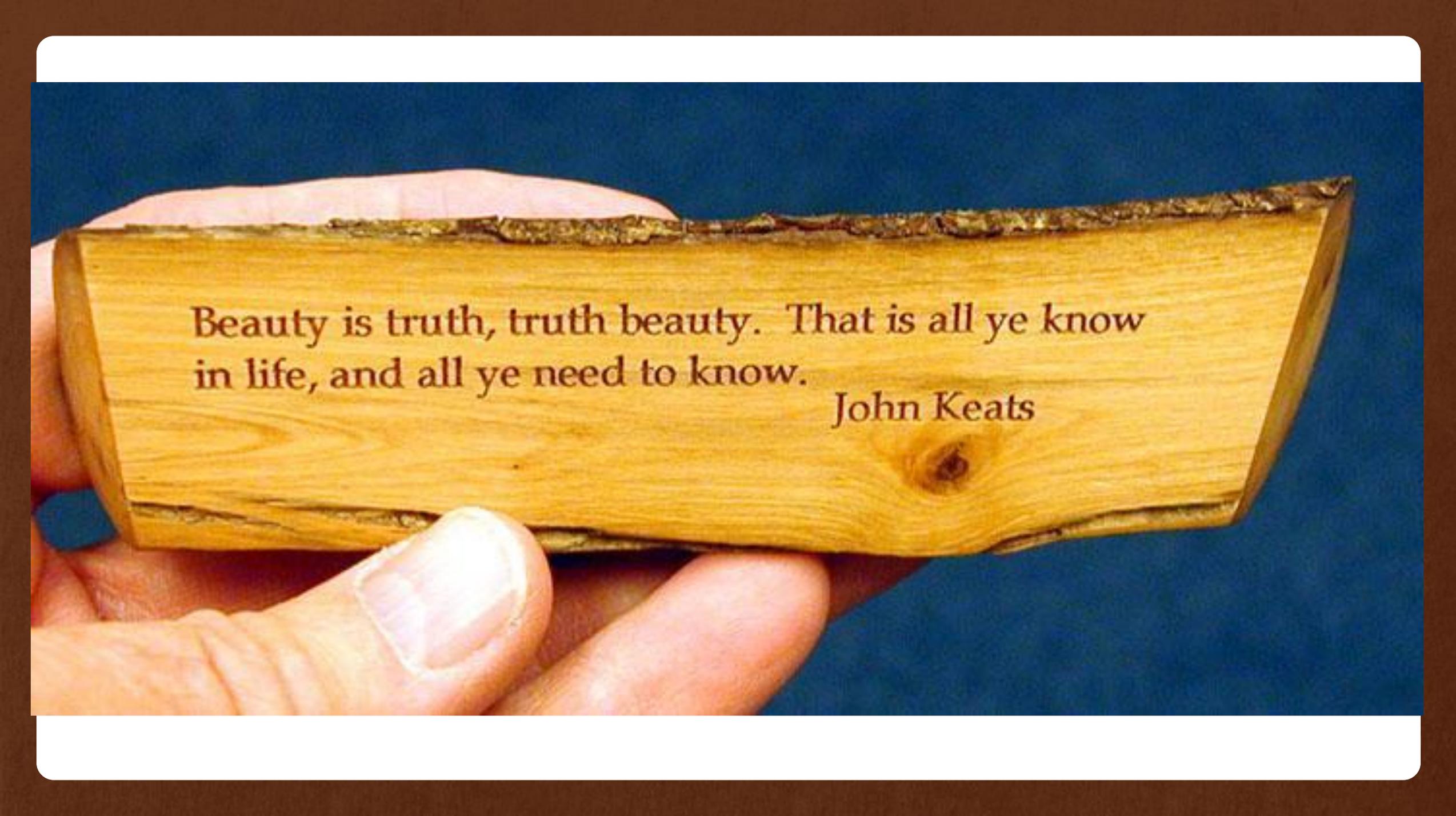
Прекрасное пленяет навсегда.
К нему не остываешь. Никогда
Не впасть ему в ничтожество. Все снова
Нас будет влечь к испытанному крову
С готовым ложем и здоровым сном.
И мы затем цветы в гирлянды вьем,
Чтоб привязаться больше к чернозему
Наперекор томленью и надлому
Высоких душ, унынью вопреки
И дикости, загнавшей в тупики
Исканья наши. Да, назло пороку,
Луч красоты в одно мгновенье ока
Сгоняет с сердца тучи. Таковы
Луна и солнце, шелесты листвы,
Гурты овечьи, таковы нарциссы
В густой траве, где под прикрытьем мыса
Ручьи защиты ищут от жары,
И точно так рассыпаны дары
Лесной гвоздики на лесной поляне.
И таковы великие преданья
О славных мертвых первых дней земли,
Что мы детьми слышали иль прочли.

Главная идея «Оды греческой вазе» получает афористическое выражение в ее заключительных строках:

Красота есть истина, истина — красота, вот все,

Что вы знаете в земной жизни, и все, что вам нужно знать.

Созерцание мраморного шедевра древнегреческого мастера, представляющегося воплощением совершенной гармонии и красоты, которые удалось запечатлеть скульптору, рождает у поэта мысли о вечности идеальной красоты, запечатленной в остановившем мгновение произведении искусства, но Китс одновременно отрицает и несовершенство изменчивой земной реальности.

A close-up photograph of a person's hand holding a piece of light-colored wood. The wood has a natural grain and a small knot. Engraved on the wood is a quote in a serif font. The background is a solid dark blue color.

Beauty is truth, truth beauty. That is all ye know
in life, and all ye need to know.

John Keats

«Ода Соловью» также построена на драматическом контрасте между жаждой смерти и жаждой прекрасного, заставляющей любить и ценить жизнь. Мир Соловья, «вечерних рощ таинственного Орфея» (пер. Г. Кружкова) — это мир красоты и блаженства, которому противопоставлена проза жизни, и фантазия не умеет обманывать так хорошо, как это приписывает ей молва, потому что поэт не может наслаждаться красотой, забывая о печальной действительности.

«Ода Психее» представляет собой развернутую метафору созидательной поэзии. Поэт сочувствует прекрасной Психее, которой не выказывают должного уважения из-за того, что она слишком поздно вошла в сонм бессмертных олимпийских богов. Китс описывает, как видел Психею в лесу с Купидоном и, очарованный ее прелестью, решает стать жрецом культа прекрасной богини. Однако, возложив на себя такую сложную обязанность, поэт понимает, что создать достойное Психеи святилище, где она могла бы принимать своего возлюбленного Купидона, он может только в своем воображении.

- Поэзия Китса, ее музыкальность и живописность, зрительная осязаемость ее образов, присущее ей обилие выразительных, красочных деталей, в которых передаются не только цвета, но и их оттенки, ее эмоциональная глубина были по достоинству оценены с большим опозданием. Истинное представление о роли Китса в истории английской литературы сложилось только в XX столетии. Именно тогда пришло понимание того, что его творчество оказало огромное влияние на многих поэтов викторианской эпохи. Дань Китсу отдал в своем раннем творчестве Альфред Теннисон, поэмами Китса зачитывались прерафаэлиты, а Уолтер Пейтер обоснованно назвал его предтечей эстетизма.

Endymion Book 1st

A thing of beauty is a joy for us
To lend long pleasure; it will never
Fall into nothingness, but still will keep
A power quiet, or ascend a stair
Full of sweet dreams, and health, and quiet breathing.
There, on every morning, as we wake
A feeling bade to bind us to the earth,
In spite of our dependence, & the inhuman death
Of noble natures, of the gloomy day,
Of all the unhealthful and acid air
Made for our searching eyes, in spite of all
Some change of beauty moves away the Fall
From our dark hearts. ~~and before we can see~~
~~the light of the sun, and the moon~~
~~and the young sprouting, and the~~
Such the sun, and Moon
The old, and young sprouting, and the
For simple sheep, ~~and these are daffodils~~
And the green world they live in, and clear all
That for themselves a cooling covert make
'Gainst the hot season; the mid forest brake
Rich with a sprinkling of fair muskrose bloom;
~~and these are daffodils~~
~~and these are daffodils~~ the grandeur of the dooms
We have enamour'd for the night dead;

Спасибо за внимание!!!